

СМЕРТЬ СТУДЕНТА

(С. 460) Их квартира была невелика и состояла всего из трех комнат. Обстановка в ней выглядела весьма скромною, простою, но имела неряшливый и неопрятный вид, свидетельствуя, что хозяева мало заботились об убранстве своей квартиры и не прилагали попечений о поддержании должного порядка. По одному уже внешнему виду можно было заключить, что здесь живут люди, которые мало обращают внимания на житейское все, а, напротив, всецело погружены в серьезные занятия науками. На окнах и на столе валялись книги, частью открытые и с загнутыми краями страниц. Ни в одном углу не висело иконы, и потому неряшливая квартира еще более казалась сиротливой и неуютной. Жили в этом помещении брат с сестрой, он слушая лекции на третьем курсе естественного факультета, а она на женских курсах. Таким образом, хотя и была в доме женская рука, которая могла бы поддерживать аккуратность, но курсистке было не до того, она редко бывала дома, а целый день проводила или на курсах, или на заседаниях по самым современным вопросам, которые она вместе со своими единомышленниками считала своим неперменным долгом разрешить и тем сделать вклад в жизнь. Но среди таких богатых мечтаний, охвативших все сердце и ум девушки в 19 лет, (с. 461) возмнившей себя уже благодетельницей народа и края, естественно, не было потребного времени, а главное охоты снисходить из области заманчивой фантазии в круг обыденной жизни, в сферу реальной действительности. В своих мечтах и грезах, в своих постоянных разговорах о благе народном, о его просвещении и развитой ей некогда было подумать о себе, о нравственном развитии себя самой, о духовном своем просвещении, и потому ее отношения к самому близкому для нее существу — брату — были резки, бессердечны и ясно свидетельствовали, что нет в ее сердце искреннего желания добра другим, нет чувства любви, сострадания к другим, раз нет столь естественного чувства любви к своему родному брату. А этот последний весьма нуждался в нежной заботливости, ласке и попечении. Его худощавое телосложение с бледным лицом и столь сомнительным румянцем на обеих щеках громко говорили, что здоровье его подорвано, что лютая неизлечимая болезнь закралась уже в его грудь и дожидается только момента, когда можно будет свалить с ног свою жертву, приковать ее к кровати и предать в руки своей подруге — смерти. Предательский кашель с кровью все сильнее и сильнее изнурял молодого человека, который сначала принужден был не ходить в университет и домоседством предполагал поправиться, но затем в скором времени совершенно слег и стал даже затрудняться говорить.

Я застала его еще бродящим, когда в первый раз перешагнула порог их холостяцкого жилья. Я была дружна с сестрой студента, хотя мы совсем расходимся во многом и прежде всего в религиозных вопросах. Она, по-модному, т. е. не будучи ни на малую долю знакома с религиею и христианским учением, огулом отрицала все, считала это неподходящим для здравого смысла образованного человека. Таков был и ее брат. Я же была глубоко и искренно верующая, имела под руками много духовных книг и постоянно занималась чтением их. Так как в нашем доме, т. е. в доме моих родных, где я жила, были неудобства и неподходящие условия для занятия науками, я и стала похаживать к своей подруге, где и могла на свободе заниматься без всякой помехи.

(С. 462) С самого первого знакомства со студентом я увидела его ненормальный румянец и затем, вследствие частых моих хождений к нему, я стала замечать, как болезнь сильно и быстро подтачивает его здоровье. Отношение сестры к своему больному брату были прямо непростительными, особенно при постоянных и настойчивых заявлениях с ее стороны горячего будто бы желания послужить человечеству из любви и сострадания к нему. Она никогда не хотела верить, что брат действительно болен и болен опасно, она часто говаривала мне: „Он притворяется, обленился ходить в университет на лекции, вот, чтобы не стыдно было сидеть дома без уважительной причины, он и придумал болезнь, охота тебе возиться с ним, брось его, надоест ему сидеть дома, он и выздоровеет. А я хорошо видела, что тут и на йоту нет притворства, что к студенту подкрадывается смерть, и потому я старалась оказывать ему свое внимание, приносила лекарства, читала вслух или что-либо рассказывала. Когда же он слег в постель, я тогда оставалась при нем и ночью дежурить, чтобы разделить с ним долгое ночное время и тем его утешить, облегчить его тоску и мучения. Сестра же и в это время все толковала о любви к человечеству и вовсе не хотела высказать любви к своему брату. Во время моих чтений и рассказов больному я осторожно касалась религиозных вопросов, желая как-нибудь затеплить в его сердце то, что вольномыслие и слепое подражание духу времени успело покрыть густым слоем равнодушия и скептицизма. И Бог помогал мне, однажды уже темнело на улице и в комнате больного расстился вечерний мрак, когда больной попросил зажечь лампу; я воспользовалась случаем и предложила ему: „Вот в вашей комнате нет иконы, а если бы привесить в уголок образочки да затеплить лампадку пред ними, то как хорошо было бы при таком свете беседовать; у меня дома всегда горит лампадка, и я постоянно испытываю доброе настроение, утешаюсь, успокаиваюсь". Больной согласился, и я поспешила повесить три иконы и пред ними затеплить три разноцветных лампадки.

В самом деле, как хорошо! Помню у нас, в доме родителей, тоже зажигали лампадки пред образами", — сказал студент, (с. 463) устремив глаза в даль и видимо погружаясь дорогие воспоминания прошлого. И так было положено начало, оставалось только осторожно

продолжать. И далее больной сам пошел мне навстречу. Сознал ли он, что конец его жизни приближается или же при истощении тела запросы духовные ощутительнее стали давать себя знать, только он попросил раз принести св. Евангелие и почитать ему из него. Я с радостью согласилась, а он внимательно слушая, особенно он был доволен, когда я читала многие отрывки наизусть, так как я много знала на память. Так провели мы с ним несколько суток, он с жадностью внимал Божественным словам и, видимо, находил в них для себя полное успокоение и отраду. Пользовавшийся его доктор сказал, наконец, что наступает развязка и что больной непременно к утру покинет нашу землю. Однако случилось еще не так. Больной прожил еще целых двое суток и к вечеру того дня, когда доктор поставил свой приговор, ему сделалось весьма хорошо: кашель прекратился, кровь остановилась, и больной мог на другой день даже подняться с постели. Первыми его словами были: „Помню я, есть акафисты и еще, как это называется, «канон», кажется, «покаянный», почитайте мне, я послушаю. Знаете, я имел хороших, добрых, религиозных родителей, которые строго нас воспитывали, приучали ходить в храм Божий, и я гимназистом бывал в церкви, подавал просфоры, ставил свечи и говел каждый год. Помню, как приятно было нам в нашей семье, когда мы все возвращались домой от службы, в углах пред образами теплились лампадки, от всего словно веяло миром, тишиною, радостью... Мы были счастливы, довольны. Но потом все переменялось. По смерти родителей попали мы в круг таких товарищей, для которых непонятно и странно было наше настроение, и они часто высмеивали его и старались всячески подорвать в нас нашу веру, наше христианское религиозное чувство. Из-за ложного стыда мы скоро оставили все прежнее и сделались ко всему равнодушными. Теперь даже иконы не нашлось в нашей квартире. Проходят в моей памяти все уроки, наставления и нравоучения моей доброй матери, которая ничего без Бога никогда не (с. 464) начинала и нас всегда тому же учила. Теперь только сознаю, как низко и глубоко пал я, теперь только сознаю, как пристрастно и неблагоприятно поступал я, отказываясь от религии, не познакомившись с нею как должно, а увлекшись бойкими и красноречивыми баснями многих своих товарищей... Но мне хочется помолиться, почитайте же мне, а я тут около кровати помолюсь немного”.

И теперь я без слез не могу вспомнить этой последней ночи; мы оба ревели прямо. Когда я начала читать акафист, он опустился на колени и стал горячо со слезами молиться. Плакал как ребенок без всякого стеснения; слезы целыми потоками струились из его глаз и крупными каплями падали на ковер около постели. Он молился вслух, так что я перестала уже читать акафист и сама заливалась, не будучи в состоянии смотреть на такую трогательную сцену. Я радовалась душою, что он, примиренный с Богом, отойдет в вечность, что умягчилась душа его, что он стал настоящим человеком... А он молился-каялся, просил у Бога прощения за свою невнимательную,

небрежную жизнь. Не могу передать в точности всей его молитвы, знаю только, что это была истинная молитва, настоящая беседа любящего сына с любимым отцом. Но силы изменили ему; от волнения и нервного потрясения кровь снова хлынула из горла целым ручьем, и он в изнеможении бледный, как мертвец, упал на ковер. Я с прислугой бережно положила его на кровать, голову под образа, но он открыл глаза свои и попросил перевернуть его так, чтобы ему можно было видеть св. иконы. Его желание тотчас исполнили, и он на несколько часов устреми л неподвижный свой взор на святые лики. Потом он подозвал меня к кровати, взял мою руку, пожал, сколько хватило сил, и едва слышным голосом проговорил: «Спасибо вам за все... вы видите мою сестру... теперь только я ее понял... мне пока хорошо, радостно, от всей души желаю и вам также...» Но тут голое его перервался, он потянулся и из глаз выкатилось по крупной слезе...

До сих пор глубоко скорблю о том, что я не успела причастить его, напутствовать по христианскому обычаю Святыми Тайнами в жизнь вечную. Утешаю себя только твердым упованием (с. 465) на бесконечную милость Господа, к Которому отошел он с доброю настроенностью, сознав всю свою вину и принеся искреннее покаяние.

Москва, 1904 г.

Смерть студента. М.: типо-лит. И. Ефимова, 1904. Цит. по: *Еликонида (Кушлик), монахиня. Я всех люблю и о всех скорблю. Житие священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского. 1876–1929. М., 2013. С. 460–465*